

Эдит Секулес

(8.6.1916 Вена - 20.2.2008 Килкил, графство Даун,
Северная Ирландия)

Пережить нацистов, изгнание и Сибирь (отрывки)

Опубликовано издательством Vallentine Mitchell, Лондон;
Портланд, Орегон, 2000.

<http://www.vmbooks.com>

в серии «Библиотека свидетельств о Холокосте»

Перевод с английского Рут Брашинской.

Пережить нацистов, изгнание и Сибирь, Эдит Секулес,
Vallentine Mitchell, Лондон, 2000

Эдит Секулес (урожд. Мендель) родилась в Вене в 1916 г. – на следующий год после рождения моего отца. Ее семья происходила из типичной смеси выходцев из Центральной Европы, и она вышла замуж за венца, отец которого был родом из западной Венгрии.

Тогда, как и сейчас, Вена была одним из главных музыкальных столиц мира. Эдит работала горничной в одном из лучших венских отелей, Бристоле, и там она встречала и получала автографы от Артуро Тосканини, Бруно Вальтера, Иехуди Менухина, Рихарда Таубера и Томаса Манна. Работая в другом месте, Эдит видела также Марлен Дитрих. Это блистательное время закончилось в 1938 г., когда нацисты захватили Австрию и превратили жизнь венских евреев в кошмар. Эдит с мужем и ребенком отправились в Эстонию, где, хоть и не надолго, они сумели начать новую жизнь.

Немецкое вторжение 1941 г. снова заставило семью бежать. Они были в разных лагерях, и, в конце концов, оказались в Караганде, в центральной Азии, где были долгие и суровые зимы. Семья (теперь еще с двумя детьми) пережила множество лишений. В 1947 г. им было разрешено вернуться в Вену. По пути домой в маленьком венгерском городке местные евреи пришли к поезду поприветствовать проезжающих. Они восклицали: «У вас все еще есть дети! Наших убили нацисты».

После нескольких месяцев в Вене семья переехала в Лондон, а потом в Лондондерри в Северной Ирландии. Там им была обещана работа на фабрике, совладельцем которой был брат мужа Эдит. Удачное стечение обстоятельств позволило Эдит и ее мужу открыть небольшой трикотажный бизнес в городке Килкил. Они усердно работали, бизнес процветал. В 1954 г. родился их четвертый ребенок – дочь Эстер. Они поставляли свою продукцию в ведущие магазины Европы, Америки, Австралии и даже Японии.

Эдит и ее муж прожили долгую жизнь, и Эдит, в конце концов, доверила бумаге перипетию своей жизни. Благодаря «Библиотеке свидетельств о Холокосте» воспоминания Эдит, как и свидетельства многих других оставшихся в живых, были опубликованы, чтобы напомнить нам о блистательной еврейской жизни в разных местах Центральной и Восточной Европы.

Пережить нацистов, изгнание и Сибирь.
Джеймс О'Фее, октябрь 2002.

Глава 9 – Эстония: сентябрь 1938 – июнь 1941

Эстонские власти разрешили нам въезд в качестве туристов. Когда мы получали багаж, появилась одна дама и представилась. Вскоре после этого к нам подошел директор радиозавода, представился и предложил встретиться с Куртом на следующий день. В аэропорту нас ожидали не менее трех машин, чтобы отвезти в Таллинн! Это смущало нас и сбивало с толку

Дамой оказалась госпожа Ицкович, президент женской сионистской организации в Таллинне. После того как она представилась, она взяла маленькую Рут на руки и держала ее всю дорогу до нашей гостиницы в городе. К счастью, она прекрасно владела немецким языком и объяснила, как она и другие встречающие узнали о нас и о нашем прибытии. Главный раввин Таллинна получил телеграмму от наших беспокоящихся родственников из Вены, где говорилось: "Прибывает женщина с ребенком. Пожалуйста, помогите, когда приземлятся". Раввин поставил в известность об этом госпожу Ицкович, и она привлекла двух друзей с машинами, чтобы встретить нас. В случае каких-либо трудностей планировалось, что госпожа Ицкович будет держать ребенка, а Красный Крест будет требовать впустить мать. К счастью, все это не потребовалось.

Мы были первыми еврейскими беженцами, прибывшими в Таллинн. Никто не мог предвидеть, как поведут себя власти. Мы прилетели с обратными билетами, и были приняты как настоящие туристы со сроком пребывания до трех месяцев. Соответственно прибегнуть к плану госпожи Ицкович не понадобилось. Однако телеграмма из Вены с самого начала свела нас с нужными людьми.

В 1938 г. Эстония была демократической страной во главе с любимым всеми президентом Пятсом. Страна была не зависимой от Советского Союза с 1920 г. Основным населением были эстонцы со своим языком, похожим на финский и венгерский. В качестве наследия многовековой немецкой оккупации здесь осталось большое немецко-говорящее население со своими школами, религиозными и культурными учреждениями. Затем последовала русская оккупация, оставившая после себя другую группу населения со своим языком, школами и различными учреждениями. Четвертая группа состояла из евреев, большинство из которых бежали от русских погромов в начале века. И у них были школы, клубы, религиозные и культурные учреждения. Эти евреи никогда не забывали, что значит быть преследуемым и стать беженцем. Поэтому они были очень добры и предлагали нам всевозможную помощь. В то время различные национальные группы населения жили бок о бок спокойно, особенно в маленькой столице.

На следующий день в холле нашей гостиницы мы встретили другого беженца. Мы слушали радио, и как раз Невил Чемберлен заявил: “Я верю, что сейчас мир”. Когда Курт стал комментировать это заявление, я сразу его остановила. Что если другой «беженец» - гестаповский шпион? Я стала подозрительной, и все еще чувствовала страх нашей недавней жизни в Вене после прихода нацистов. Как оказалось, мужчина был еще одним преследуемым беженцем, как и мы.

Курта не приняли на работу на радиозавод, самый большой в Таллинне. Однако наши новые друзья быстро связали нас с важными людьми, и в результате Курт в течение недели получил работу на маленькой радио фабрике. На ней работали сами владельцы и около 20 сотрудников. Они производили радиоприемники высокого качества, и Курт очень быстро освоился. У него не было проблем общения, т.к., к счастью, хозяин был высоко образованным и хорошо знал немецкий язык, равно как и русский и его родной эстонский языки.

Следующая прибывшая из Вены семья состояла из пожилой дамы и двух ее взрослых сыновей. Старший сын сразу стал изучать эстонский язык и преуспел в этом меньше, чем за три месяца. Это так поразило власти, что они дали семье годовую визу. Нам же, приходилось хлопотать о продлении визы каждые 3 месяца. С этим сложности не было, т.к. у Курта была постоянная работа.

Госпожа Ицкович решила, что нам не надо привлекать внимания таллиннской полиции, и безопаснее для нас было бы пожить в деревне. Она нашла нам бесплатное жилье в доме своего друга недалеко от города. Мы приехали в наш новый дом на поезде. Это была типичная русская дача, в которой хозяин жил каждое лето, а теперь она сдавалась. В ней были и другие жильцы, все местные люди.

Наши соседи приняли нас приветливо, и очень помогли нам в последующие месяцы. В нашем распоряжении была одна большая комната, где мы и

готовили, и ели, и спали, и стирали. Воду брали из колодца в саду; ведро было прикреплено тяжелой цепью. Я все варила на примусе, который мне одолжил сосед. Примус заправлялся керосином, но нужен был метиловый спирт, чтобы разжечь его. Я не любила примус, т.к. так и не научилась правильно с ним обращаться. Всю воду кипятили на нем. То, что я готовила, часто перекипало или сгорало. Мне приходилось просто усмехаться и терпеть, потому что пеленки должны были быть постираны, ребенок должен был быть выкупан, а Курту нужен был теплый ужин, когда он приходил с работы домой.

Когда я в первый раз пошла за покупками в деревенский магазин, то меня ждали два приятных сюрприза. Я волновалась, что не смогу объясниться из-за проблем с языком, но обнаружила, что хозяином магазина был балтийский немец (термин, применяемый в отношении немцев, которые жили в Эстонии всю жизнь, но не приняли гражданства). Таким образом, я сразу смогла общаться. Вторым сюрпризом стала цена на продукты. Сначала я испугалась, что цена на яйца подразумевала стоимость одного яйца. На самом деле, это была цена за дюжину. Оказалось, что продукты в Эстонии были невероятно дешевыми, их было много, и они были очень высокого качества. Сметана была такой жирной и густой, что ее можно было нести домой в бумаге, как масло. На рынке в Таллинне было много домашней птицы, разнообразной свежей рыбы и большой выбор фруктов и овощей. В конце каждой рабочей недели Курт ходил на рынок и покупал курицу и другие продукты. Его заработок позволял нам вести скромную и здоровую жизнь.

С первых дней жизни в деревне наша социальная жизнь была сфокусирована вокруг визитов из города друзей госпожи Ицкович, и мы быстро подружались со многими нашими соседями. Когда они узнали, что я хорошая вязальщица, я получила много заказов, что позволило мне немного подработать, пока я присматривала за Рут. Я ясно помню, что потратила много недель на вязание длинного платья из тонких ниток. Это была очень трудная работа, но она дала мне уверенность и опыт, что очень помогло мне в будущем.

Мы часто писали письма, чтобы поддерживать связь с родственниками и друзьями, разбросанными теперь по нескольким странам. Мы всегда оставляли копии писем, были ли они написаны от руки или напечатаны на машинке, потому что мы рассылали их по нескольким адресам. До начала 1939 г. обе наши семьи (в большинстве своем) все еще жили в Вене и вынуждены были страдать от последствий печально известной «хрустальной ночи» в ноябре 1938 г., когда были сожжены все городские синагоги и разрушены все еврейские магазины. Лотте, тетя Фрида, ее дочь Герти и зять Карл были единственными из близких родственников, кто эмигрировал к тому времени, и все они обосновались в Лондоне.

Через несколько недель после нашего приезда в Эстонию мы послали в Вену наши неиспользованные обратные авиабилеты, что позволило папе получить за них деньги. Так он смог оплатить расходы на пересылку нам по почте очень больших посылок. Он даже послал в разобранном виде детскую коляску, что

было настоящим спасением. Папа особенно тщательно держал нас в курсе того, кто уехал, сообщал последние адреса и другие детали. Из-за того, что все письма проходили цензуру, их содержание должно было быть строго личного характера, и мы не получали никаких комментариев относительно «хрустальной ночи» или других политических событий в Вене. Лотте тоже была верным корреспондентом и посылала для маленькой Рут одежду, на которой она вышивала то цветок, то монограмму.

Лотте сумела найти для мамы работу повара в Лондоне, и мама могла претендовать на визу. Мама покинула Вену в феврале 1939 г. и никогда больше не увидела моего папу. У папы и бабушки не было шансов на визу, и они должны были остаться. Они оба умерли в следующем году с разрывом в несколько месяцев – папа в результате недоедания и туберкулеза, а бабушка – от голода и старости. Я всегда представляла себе, что разлука моих родителей должна была быть очень болезненной, потому что они очень хорошо понимали, какой ужасной стала жизнь евреев в городе. Впоследствии мама никогда не говорила об этом.

Мама начала свою жизнь в Лондоне поваром в семье, состоящей из маленькой девочки, ее мамы и бабушки. Маме было жалко маленькую девочку, потому что той приходилось целый день играть в доме в одиночестве. Иногда мама брала девочку с собой, когда шла за покупками, чтобы развлечь ее. Это привело к конфронтации с матерью ребенка, которая упрекала маму за то, что она позволила себе увести девочку из дома. В дальнейшем отношения были, в лучшем случае, деловыми.

Родители Курта, его брат с женой уехали из Вены весной 1939 г., чтобы начать новую жизнь в Северной Ирландии. Это оказалось очень полезным для нас и повлияло на большую часть нашей будущей жизни. Они получили визы по программе британского правительства о создании новых бизнесов в провинции. Вместе с партнерами из местных жителей они основали в Лондондерри производство искусственных цветов; подобным был и их бизнес в Вене.

Позже в 1939 г. брат моей мамы Фриц и его жена Лили с родителями переехали во Францию и затем в Англию. Большую часть военного времени они прожили в Бедфорде, но их жизнь была омрачена интернированием в лагерь на острове Мэн моих дяди и кузины. Это ускорило смерть дяди в 1943 г.

Постепенно письма перестали приходить. Каждый день я спрашивала своих соседей: «*Kiri?*» (писем не было?) на своем лучшем эстонском. К моему большому разочарованию ответ обычно был «*ei ole*» (нет). Большую часть того, что я выяснила о нашей семье, я узнала только после окончания войны.

Жизнь, однако, продолжалась, и мы старались держаться. Мы очень скучали по своим семьям и иногда вспоминали всякие подробности о них, чтобы преодолеть одиночество и печаль. Я скучала по культурным событиям,

которыми была полна Вена, когда я жила там. Мы оба были настоящими горожанами, и у нас были тесные семейные связи. Теперь мы вынуждены были приспособиваться к деревенским условиям в чужой стране. Было трудно, но помощь всех окружающих облегчала нашу жизнь. Это подготовило нас к более тяжелым временам, которые нас ожидали. Конечно, было и немало хороших моментов, но они всегда омрачались неуверенностью, чувством, что не будет ни конца, ни возврата. Неуверенность все возрастала с течением времени, на горизонте не было ничего утешающего.

В это время самым приятным в нашем существовании были еженедельные визиты к госпоже Ицкович в Таллинн. У нас было постоянное приглашение на субботний ланч. Семья владела большим многоквартирным домом, строительство которого было закончено незадолго до нашего приезда в Эстонию. Ицковичи были богатыми бизнесменами, их фабрика производила различные занавеси и текстильные изделия для дома. Муж, сын Изи и дочь Берта – все работали в бизнесе. Мы были поражены, так как впервые увидели в частной квартире центральное отопление, горячую воду и электроплиту. В Вене мы отапливали коксом и готовили на газе. В квартире жили мама госпожи Ицкович и двое сыновей. У их замужней дочери Берты была в доме своя квартира. Каждую субботу у них был накрыт стол и велась оживленная беседа.

Во время ланча все говорили по-немецки, чтобы мы понимали, но в течение разговора кто-нибудь обязательно сбивался на русский или эстонский или идиш. Нам было трудно, и хотя мы понимали идиш – говорить на нем мы не могли. Еда была кошерная, но типично русская. Популярными блюдами были борщ (свекольный суп), пироги с мясом и цимес (мясо с черносливом и яблоками). Так как в пудинге не должно было быть молока или сметаны, на сладкое были или тушеные фрукты или *роза манна*, взбитая манная каша, сваренная на фруктовом соке. Я до сих пор помню вкус всего этого, кулинарной вершины нашей недели.

Еще одним преимуществом этих визитов была наша возможность узнать зарубежные новости. В квартире был прекрасный радиоприемник, обычно настроенный на новости БиБиСи. Так мы узнали о смерти Сигизмунда Фрейда и о приземлении в Шотландии Рудольфа Гесса. Иногда мы танцевали под музыку *Lambeth Walk*, *Violetta* или других хитов того времени.

Мне только предстояло еще познакомиться с эстонской зимой. Октябрь и ноябрь 1938 г. прошли без происшествий, т.к. погода была еще мягкой. Все изменилось в декабре. Начались сильные ветры, земля покрылась глубоким снегом и льдом. Мое ведро примерзало к краю колодца; белье замерзло на веревке; в комнате было очень холодно в основном из-за того, что я не умела растапливать печку. Когда Рут стала плакать от холода, не переставая, я нарушила свое правило не спать с ребенком и взяла ее в нашу кровать, чтобы согреть своим телом. Мое терпение лопнуло, когда в комнате в кувшине замерзла вода. Хватит с меня жизни в деревне. Я поехала в Таллинн искать жилье.

Мы нашли меблированную комнату в самом центре города. В ней едва помещались две кровати, гардероб, детская кроватка, стол и два стула. Лучшего мы не могли себе позволить. Так как мне разрешалось входить в кухню только для того, чтобы набрать воды, готовила я на примусе, на широком подоконнике в нашей комнате. Хозяйка волновалась, что я испорчу занавески. У нас не было прохода во двор, поэтому варить, есть, спать, стирать и сушить белье нам приходилось в нашей маленькой комнате. Но были и положительные стороны. Мы жили недалеко от места работы Курта, и недалеко был пансион, где кормили вкусно и недорого. Курт любил есть там. Его любимыми блюдами стали бульон с кусочками мяса и пудинг со взбитыми сливками и джемом.

Я стала постепенно привыкать к суровой зиме, но однажды чуть не попалась. Мне надо было выйти в очень холодный и ветреный день. Недалеко от нашего дома меня остановил один господин. Он все показывал на мой нос и кричал «*Nina valge!*» Это значило «белый нос». Так он предупреждал меня, что я могу отморозить нос. Я побежала домой и подставила нос под холодную струю воды из крана. К счастью, я это сделала вовремя, и нос остался невредимым.

Новый 1939 год я встретила на балу в Еврейском клубе. Я была гостьей Ицковичей. Как президент WIZO (женская сионистская организация) госпожа Ицкович была очень общественно-активной и участвовала во многих мероприятиях еврейской общины. Ее муж всю свою энергию отдавал бизнесу. Бал был одним из главных событий года, и я очень гордилась, что госпожа Ицкович пригласила меня. Курт был не против посидеть с ребенком. Вечер оказался блестящим, и я была довольна, что взяла с собой свое единственное вечернее платье, когда мы покидали Вену. На бал и с него я ехала в нанятых санях. Это был мой последний выход в свет на многие годы, и поэтому впечатления от него я помню отлично. Компания была чудесной, еда хорошей, а вино - великолепным. Мы танцевали всю ночь под музыку цыганского и танцевального оркестров.

В течение зимы Курт время от времени оставался с ребенком и давал мне возможность уходить на пару часов из нашей маленькой комнаты. Я часто ходила в соседнее кафе, слушала там игру на балалайке, читала газеты на немецком языке и наслаждалась тарелкой венских сосисок с картофельным салатом. Еда всегда была очень хорошей и стоила уплаченных денег.

К весне 1939 г. мне надоели наша раздражительная квартирная хозяйка и теснота нашей комнаты. Я стала искать квартиру в окрестности. Сдаваемое жилье обнаружить было просто – оно было отмечено бумажными крестами на окнах. Мы нашли небольшую квартиру в дачном доме с красивым садом. Так как у нас было мало вещей, мы смогли очень быстро переехать. Я вспоминаю, что за наши два с половиной года в Эстонии мы переезжали шесть раз. Наше новое жилье было на самом деле квартирой на первом этаже. Она состояла из просторной меблированной комнаты и кухни. В подвальном этаже жила очень

приятная эстонская семья. Я помню, мать выглядела такой молодой, что я долго думала, что она – сестра мальчиков-подростков. Недалеко от нас жил наш друг, которого мы могли навещать. Самой большой ценностью был сад, где я могла оставлять Рут в ее манеже. Один раз я очень испугалась, когда она открыла задвижку манежа и выползла на четвереньках на дорогу. К счастью, мне удалось вовремя ее подхватить без всякого для нее ущерба.

После арктически холодной зимы и долгой прохладной весны теплое лето было просто наслаждением. День переходил в теплые ночи, которые никогда не становились темными, т.к. мы были на севере. В лесу было много ягод. Несколько раз мы ходили в местный бассейн. Около этого бассейна Рут сделала свои первые шаги.

В то лето я заболела ветряной оспой. Рут было 14 месяцев, и доктор посчитал, что нет смысла изолировать ребенка от меня. К счастью, она не заразилась. Это убедило меня в том, что кормление грудью, в нашем случае в течение 10 месяцев, дает ребенку иммунитет. Нам пришлось нанять медсестру для ухода за мной и ребенком. Со временем болезнь утихла, и медсестра послала меня в баню, велев мыться до тех пор, пока все следы сыпи не исчезнут. Это было мое первое посещение русской бани. В одной ее части были лавки и деревянные шайки, в которые набирали горячую воду и выливали на себя после мытья. Во второй части была парилка, которую и эстонцы и русские очень любили.

В июле 1939 г. мы получили положительный ответ на нашу просьбу разрешить нам эмигрировать в Австралию. Мы надеялись вскоре уехать, и планировали воссоединиться там с моими родителями. Папа запаковал и отправил всю мебель на склад в Италию в ожидании дальнейших инструкций о переправке ее в Австралию. У нас были большие надежды.

Однако наш оптимизм вскоре улетучился. В сентябре началась война, и наши визы (как граждан Германии) автоматически стали недействительными. Нам предстояло оставаться в Эстонии на неопределенный срок.

Осенью мы снова переехали в город в комнату, находившуюся в доме, примыкающем к радио фабрике, на которой работал Курт. Ему надо было только перелезть через забор, чтобы оказаться на работе. Другим преимуществом было то, что по договоренности с хозяйкой, мы были у нее на полном пансионе, и мне не надо было готовить. Я была очень довольна этим, т.к. я снова была беременна и была счастлива расслабиться.

К этому времени в Таллинне у нас было много друзей. После работы они часто заходили поболтать, зная, что мы всегда дома. Зимой это стало нашим самым главным развлечением. В качестве хозяев, у нас всегда были для них сладости и сигареты. В то время большинство мужчин были заядлыми курильщиками, и понятия не имели о вредных последствиях курения. Все жили очень скромно, но иногда празднества были довольно бурными. Я особенно

помню день рождения, который отмечала наша квартирная хозяйка. Стол был заставлен различными рыбными блюдами, холодным мясом и салатами. Водка лилась рекой, и к концу все очень опьянели.

Мы ожидали второго ребенка и понимали, что в нашем теперешнем жилище нам будет тесно. Было ясно, что нам снова придется перебираться из города в деревню, чтобы снять достаточно вместительную квартиру. В марте я поехала искать квартиру. Ребенок должен был родиться через 4 недели, и я твердо решила устроиться до его рождения. Я выехала из Таллинна на поезде. В сельской местности почти все сохранилось в своем первоначальном виде. Долгая зима и растаявший снег превратили деревенские улицы и проселочные дороги в липкую массу.

Поиски квартиры возможны были только путем трудных переходов от одного дома к другому. Это было очень утомительно. Я ведь была на 9 месяце беременности, и на мне были тяжелые сапоги. Я уже готова была сдаться, когда заметила среди деревьев дом с бумажными крестами на окнах второго этажа. Мои надежды возросли, и у меня поднялось настроение, когда хозяйка показала мне чудную квартиру на первом этаже, состоящую из двух комнат и кухни. Это было как раз то, что нам было нужно. Мы переехали через две недели и начали чистить и скрести, чтобы подготовить все к рождению ребенка.

Спустя несколько дней на новом месте я начала осознавать, что очень скоро рожу. Курт организовал нашу поездку в Таллинн, и мы отправились прямо к госпоже Ицкович, которая предложила присмотреть за Рут, пока я буду в больнице. Они жили в пяти минутах ходьбы от больницы. Я чуть не опоздала, мой сын Вальтер родился через час после моего прихода в больницу. Все прошло хорошо. Очень сильный фельдшер поднял меня с кровати в родильном отделении и отнес в общую палату. Из-за общей нехватки коек, я покинула больницу через пять дней. Мы вернулись в квартиру Ицковичей и оставались там до церемонии обрезания, которое надо было сделать на восьмой день после рождения.

Я была рада вернуться в нашу квартиру в деревне. Та весна стала самой счастливой в моей жизни. Мне нравилось, как мы устроились, кругом было красиво и спокойно, и я полностью отдалась уходу за своими двумя чудными детьми. На второй день рождения Рут, 4 мая госпожа Ицкович приготовила замечательный сюрприз. Она привезла из города своих друзей на празднование. Они приехали нагруженные тортом, бутербродами, стаканами и тарелками и, конечно, подарками. Вспоминая все это, я считаю, что госпожа Ицкович была самой щедрой и внимательной из всех людей, кого я когда-либо знала. Мы все были блаженно счастливы в тот теплый весенний день.

Наше счастье было недолгим. Оно резко оборвалось в июне 1940 г. В небе появились русские самолеты, прикрывающие советскую армию, 17 июня вошедшую с востока в Литву. В течение месяца балтийские государства

лишились своей свободой и независимости. Неожиданно мы оказались на территории Советского Союза. Все это очень напоминало Вену в 1938 г., особенно когда три государства проголосовали в июле за вступление в СССР. Я плакала и все больше волновалась относительно нашего будущего, если оно у нас вообще было. Все наши соседи пытались меня успокоить: "Не волнуйся. Русские человечны. Все будет хорошо", - говорили они. Однако я была уверена, что скоро начнется новая глава в моей жизни.

Тогда был еще в силе пакт о ненападении между Гитлером и Сталиным, нас не считали врагами, и мы могли жить и работать, как раньше. Однако наши друзья сразу почувствовали перемены. Все заводы, фабрики и бизнесы были национализированы. Владелец радио фабрики, на которой работал Курт, добровольно отдал свою фирму своим работникам. Они к нему хорошо относились, и он остался на фабрике простым сотрудником. Он был приятным человеком, я его знала довольно хорошо. Я учила его английскому языку, а он меня – русскому.

Жилая площадь была сокращена до 9 кв. м на человека. Если полиция обнаруживала излишки жилья, в здание подсеялись еще жильцы. Наши дорогие друзья, Ицковичи, потеряли свой бизнес, дом и квартиру, и были вынуждены жить в одной комнате. Госпожа Ицкович нашла работу портнихи, но ее муж не мог найти никакой работы. Это было чудовищным изменением в их жизни.

Лето и ранняя осень 1940 г. были печальным периодом в моей жизни. Мы получили известие о том, что моя бабушка Анна, мать отца, умерла в Вене, а потом, в сентябре, нам сказали, что мой дорогой папа умер в больнице в Вене. Ему было только 59 лет. В результате ужасных условий, в которых жили венские евреи в последние два года, туберкулез папы стал хроническим. Когда моя мама уехала в Англию в начале 1939 г., папа остался со своей матерью. Бабушке тогда было 85 лет, и ей нужна была постоянная помощь. Папа в своих письмах никогда не жаловался нам, но мы знали, что, как еврею, ему при нацистах жилось как в аду. Я уверена, что он отдавал своей матери всю еду, которую ему удавалось добыть, недостаточно заботясь о себе. После рождения Вальтера в Таллинне папа несколько раз просил прислать ему фотографии детей. Я сделала несколько снимков, но не отослала их, считая, что они недостаточно хороши. Теперь было поздно, и я чувствовала себя очень виноватой. Это заставило меня пойти к профессиональному фотографу и послать снимки моей маме в Лондон. На этом связь с мамой прервалась до конца войны. Оглядываясь назад на те времена с расстояния, я думаю, что, возможно, папе повезло, что он умер, когда умер, потому что через несколько месяцев из Вены пошли транспорты в лагеря смерти.

Осенью 1940 г. освободилась квартира одного нашего таллиннского друга, и нам предложили снять ее. Это была часть традиционного эстонского дома. В квартире были погреб и чердак и 36 квадратных метров жилой площади, что по размеру было достаточно для нас четырех. Прошлый жилец вырастил тут трех

детей. Мы приняли это предложение еще и потому, что к нам не должны были подселить жильцов. Это была очень удобная квартира. Кафельная печь хорошо согревала коридор и две спальни. Кухонная плита грела кафельную стенку в нашей гостиной. Мы знали, что это будет очень важно в предстоящую зиму.

Сразу, как прибыли русские оккупационные силы, их жены скупили в магазинах все западные ткани, одежду и обувь. Они знали, что новые товары в страну не поступят, поэтому полки опустели в течение дней. Советские власти поторопились объяснить всем русским приезжим, что магазины были переполнены товарами потому, что эстонцы были слишком бедны, чтобы покупать их. Советским оккупационным силам платили хорошо, и они могли позволить себе это. Скоро эстонцы стали относительно беднее, т.к. их заработок оставался фиксированным, а цены на продукты и все остальное резко возрасли. Это породило разделение общества и большое недовольство со стороны местного населения.

Мы жили недалеко от центральных рынков, что давало мне возможность часто ходить за покупками и запасать все, что возможно. Так как продукты с каждым днем становились все дороже, и их было меньше, я запаслась какао, шоколадом, сахаром, макаронами, мылом и многим другим. Я сушила грибы, варила много джема, топила масло, которое хранила в погребе. Я была всегда озабочена тем, сможет ли это все помочь нам пережить долгую зиму. Я старалась сделать жизнь как можно интересней и более занятой. Кроме моей занятости с детьми, у меня были два увлечения – чтение и организация маленького пуговичного бизнеса. В эстонских библиотеках было много книг на немецком языке, поэтому выбор был большой. Две книги особенно повлияли на меня и вспоминались в последующие годы. Первая познакомила меня с жизнью в Сибири, особенно с лагерной жизнью. В ней рассказывалось о побеге белого офицера от коммунистов. На его пути были встречи с казаками и другими местными жителями, он преодолел много трудностей, пробираясь через тайгу, чтобы достичь своей главной цели – Индии. Второй книгой были «Записки из мертвого дома» Достоевского (теперь по этому произведению написана и опера), где описывалась жизнь в сибирском лагере, куда он был сослан. Наш опыт последующих лет подтвердил, что условия жизни в течение века там не очень изменились. Я не могла себе представить, какое значение будут иметь для меня эти книги.

Мне предложили пользоваться пуговичной машиной, что я рассматривала, как возможность немного заработать. Скоро я была так занята, делая пуговицы для портных, что мне пришлось нанять домработницу. Так как я уже могла объясняться по-эстонски, я ежедневно обходила своих заказчиков пешком, принимала и доставляла заказы и решала всякие проблемы. По вечерам мы с Куртом обшивали пуговицы тканью. Хорошо, что я получила лицензию на изготовление пуговиц. Кто-то донес в полицию, что я работаю нелегально, но, придя с проверкой, полиция нашла, что все в порядке.

Так как мы жили без подселенных жильцов, мы с близкими друзьями могли тайком слушать БиБиСи. Это было запрещено, и если бы нас поймали – наказали бы серьезно. Нашим соседом был эстонский офицер, поэтому мы держали звук радиоприемника на минимуме и слушали только новости. Это был единственный правдивый источник информации о войне и о внешнем мире. Никто не верил тому, что печаталось в местных газетах. В течение той зимы и весны 1941 г. мы все больше волновались, следя за развитием войны. Мы были озабочены судьбой Лотте и мамы во время сентябрьской битвы за Англию. У нас не было никакой возможности узнать, пережили ли они ужасную бомбежку Лондона. Более зловещим было заключение варшавских евреев в гетто в ноябре. Все начало 1941 г. мы слышали об успехах немцев в Восточной Европе и продолжающихся авианалетах на Лондон. Как всегда мы боялись, что евреи будут страдать на захваченных территориях. Это подтвердилось новостью об ограничениях в правах французских евреев, начиная с мая 1941 г.

Утром 15 июня я была удивлена чем-то странным, происходящим во дворе соседнего дома. Людей вывели из дома напротив и посадили в грузовик, стоящий во дворе. Охранники тоже забрались на грузовик, и он быстро уехал. У меня не было никаких предчувствий; я просто была озадачена. Какое преступление совершила целая семья? Потом неожиданно в 10 часов утра с работы вернулся Курт. Он принес ужасную новость о том, что всех так называемых «буржуев» забирают и отправляют в сибирские лагеря. Его бывший хозяин был среди них. Теперь я поняла, чему была свидетельницей накануне. Людей из дома напротив арестовали, потому что они в прошлом владели обувным магазином.

Я сразу подумала о наших замечательных друзьях, Ицковичах, которые так много сделали для нас и для других иммигрантов-евреев. Я побежала к их дому, но их уже не застала. Они были арестованы ночью. Я пыталась разыскать их дочь Берту, которая жила недалеко от нас. Она сказала мне, что ее родителей отвезли на таллиннскую железнодорожную товарную станцию для дальнейшей отправки. Мы решили поехать туда вместе. На станции была большая и шумная толпа людей, пытающихся прорвать солдатский кордон, чтобы добраться до поездов с арестованными. В конце концов, нам удалось пробраться, и мы увидели картину, шокировавшую нас обеих. Арестованные были заперты в товарных вагонах. Женщины и дети смотрели сквозь решетки маленьких окошек. На других путях были вагоны с мужчинами, тоже запертые. После долгих писклов мы нашли госпожу Ицкович. Мы сумели передать ей немного денег, фотографии и часы. Это все, что мы могли сделать. Мы распрощались в слезах. Я была рада, что мне удалось ее увидеть, но очень обеспокоена тем, что скоро ей придется совершить ужасную поездку в Сибирь со всеми этими несчастными людьми.

Когда я вернулась домой и рассказала Курту о том, что я видела, мы решили, что нам надо готовиться к худшему. Мы подозревали, что иностранцев, таких как мы, скорее всего, вышлют следующими. Мы купили чемоданы и кожаные ремни. Следующей ночью мы услышали тяжелые шаги по деревянным

ступеням. Мое сердце бешено билось, и я сказала Курту: «Это за нами». Я была уверена, что настал наш черед. Однако никто не постучал в нашу дверь. Утром мы узнали, что арестовали нашего соседа, эстонского армейского офицера.

Скоро все изменилось навсегда. 22 июня Гитлер нарушил пакт о ненападении и напал на Советский Союз. Мы теперь превратились в подданных враждебного государства. Вскоре, когда мы с друзьями слушали новости по БиБиСи, пришел один из наших друзей за своей сестрой. К ним пришли из НКВД, чтобы их арестовать.

Глава 10 – Лагерь Харью, Эстония: июль 1941 г.

Нам не долго пришлось ждать стука в дверь. Советский офицер высокого ранга с двумя солдатами прибыли, чтобы нас арестовать. Так как мы не понимали русского языка, они приказали соседу переводить. Их речь была резкой и короткой: «Запакуйте все, что вам понадобится для жизни в течение года».

У нас ушло много времени на сборы, т.к. мы хотели взять с собой как можно больше вещей. Мы заполнили свои чемоданы, а потом упаковали тюки. Мы взяли летнюю и зимнюю одежду, постель, включая матрацы, кухонную утварь, тазы и ведра, детскую коляску и почти весь запас продуктов. Когда наша домработница услышала об арестах подданных враждебного государства, она спокойно сказала мне: «Когда вас арестуют, я возьму кровать хозяина и лампу!» Ей ничего не досталось, потому что полиция заперла квартиру, и у нас даже не было возможности расплатиться с ней за ее работу.

Когда офицер посчитал наши 17 мест багажа, он послал за грузовиком. Пока мы ждали, началась первая воздушная тревога. Мы спустились в погреб и сидели там, в темноте, до отбоя. В то время мы не представляли себе, какая это была удача, что нам разрешили взять с собой так много вещей. Позже мы узнали, что когда боевые действия ужесточились, людям разрешали брать только то, что они сами могли унести. Многие также были арестованы на улицах и высланы вообще без вещей.

В конце концов, когда вещи погрузили, мы вчетвером вынуждены были разместиться на них. Курт держал Рут, я нянчила Вальтера. Рут было тогда 3 года, а Вальтеру 14 месяцев. Было безоблачное летнее утро. Мы с Куртом не чувствовали себя угнетенными, скорее мы были взволнованы началом неизвестного приключения. Нас отвезли в Харью в лагерь для задержанных, около 20 миль восточнее Таллинна. Это был ряд барачных пристроенных к большой тюрьме. В лагере для задержанных было около 150 подданных враждебных государств, собранных со всей Эстонии. Среди них были австрийцы, чехи, немцы, словаки и, конечно, балтийские немцы. Почти

половина из них были недавними еврейскими беженцами из Австрии и Германии. Женщины и дети запирались на ночь отдельно от мужчин. Я помню первый раз, когда я действительно осознала, что я теперь заключенная. Мне не разрешили пойти в туалет и заставили ждать, пока несколько женщин не пошли вместе. Нас сопровождал лагерный охранник. Если не считать разлучения на ночь, режим был относительно мягким. Нам разрешали быть вместе в течение дня и давали возможность пользоваться тюремной баней. В целом, отношения в первые дни были очень хорошими, и некоторые люди стали друзьями на всю жизнь. Там продавались яйца и молоко. Я так волновалась, что мои дети будут недоедать, что давала им слишком много яиц. Вальтер, который не привык к яйцам, покрылся сыпью, что сразу заставило меня изменить его диету.

Наступление нацистов было таким стремительным, что после 10 дней пребывания в Харьку нас поездом отправили на восток в Россию. В качестве особой уступки, потому что дети были маленькими, мне не нужно было идти пешком к поезду, как остальным заключенным. Нас троих подвезли в «черном вороне». Это было ужасно, трясло в темноте (из-за затемненных окон) и было неизвестно, куда мы едем, и как долго эта поездка продлится.

Когда мы приехали на станцию, нас ожидал товарный поезд. У высоких вагонов не было ступеней или лестниц. Тем, кто не был молодым и сильным, нужна была помощь, чтобы попасть в вагон. В каждом вагоне с двух сторон были двухэтажные нары, маленькие окна с решетками и дыра в полу, служившая туалетом. Этот туалет был особенно унижающим достоинство и неудобным, потому что в этой поездке мужчины и женщины были вместе по 25 человек в каждом вагоне. В шести вагонах были люди, в седьмом был наш багаж и кухня.

Я до сих пор помню почти невыносимую влажность и неудобства поездки в июльскую жару. Дети становились очень беспокойными, и мне приходилось раздевать Вальтера и протирать его губкой. Неожиданно, без предупреждения, мы услышали немецкие самолеты, появившиеся с юго-запада. Мы двигались на восток почти параллельно южному берегу Финского залива и приближались к Нарве на старой советской границе с Эстонией. К поезду были прицеплены несколько цистерн с топливом, и он являлся явной мишенью.

Мы резко остановились. Потом мы увидели всех сопровождающих нас солдат, бегущих к лесу. Они хорошо знали о фатальных взрывах топливных цистерн, если бы в них попали бомбы. Мы оставались запертыми в наших вагонах. Тогда-то мы поняли, что мы стали людьми, без которых можно обойтись. Вскоре после начала бомбежки, бомба попала в один из вагонов и сорвала дверь с другого. К счастью, цистерны остались целы.

После взрыва кто-то отпер наш вагон. Мы выбрались из вагона и побежали к лесу, чтобы спрятаться. Вальтер начал вопить, потому что на его голое тельце

напали тучи мошкары. Одна женщина спасла нас. Она одолжила мне простыню, чтобы укрыть ребенка, и он успокоился.

Мы видели, что один из бомбардировщиков сделал круг и решил вернуться. Пилот, видимо, оказался довольным произведенным разрушением, или все бомбы уже были использованы, и самолет улетел на запад. К несчастью, десять человек погибли и 11 получили ранения в вагоне, в который было прямое попадание.

Среди погибших была женщина, чей сын и муж остались невредимыми. Среди раненых, которых пришлось оставить в Нарве, был выдающийся специалист по раковым заболеваниям из Берлина и две его дочери. Мать и дочь убежали как, предположительно, большинство немецкого населения в Эстонии, они приветствовали вторжение нацистов как спасение от советской оккупации.

Когда все успокоилось, советские солдаты вернулись и загнали нас обратно в поезд. Так началось наше 300-мильное путешествие, закончившееся через четыре дня в Горьком (Нижнем Новгороде). Стало легче переносить жару и влажность, так как нам теперь было разрешено оставлять дверь вагона открытой. Пытаться сбежать было невозможно и бесполезно, потому что каждый вагон охранялся. Если бы мы даже и покинули поезд, наша свобода на советской территории была бы очень кратковременной. Наше питание состояло из «сухого пайка», потому что в поезде не готовили. Паек состоял из хлеба, соленой рыбы, печенья и эрзац чая. Эта диета усиливала нашу жажду во время жары из-за высокой концентрации соли в рыбе и недостатка эрзац чая. Мы боялись пить не кипяченую воду. Теперь, когда дверь нашего вагона была открыта, мы смотрели наружу, и люди заглядывали в наш вагон. Иногда мы останавливались на соседних путях с поездом, везущим русских эвакуированных на восток. Когда они видели наших детей, они спонтанно угощали их шоколадом и другими «гостинцами». Я также помню, что видела поезд с заключенными, с которыми обращались очень жестоко, и другие поезда, которые были так переполнены, что люди сидели на стыках и на крышах вагонов. Один из наших спутников как-то опрометчиво запел очень популярную песню, в которой говорилось: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Один из солдат услышал и, взбешенный, захлопнул дверь нашего вагона в наказание. Напряжение во время поездки нарастало, потому что мы никогда не знали, где мы находимся, куда мы едем или когда прекратятся наши частые остановки. Вся поездка состояла из задержек и движения. Мы понимали, что железные дороги отдают предпочтение продвижению советских войск и вооружения, потому что мы, в основном, двигались по ночам с бесконечными остановками. Мы двигались на юго-восток, обогнули Москву и потом проехали почти 300 миль до Горького. Сначала мы думали, что это просто очередная остановка, но как только поезд остановился, нам было приказано выгружаться.